

Нагнав матушку-императрицу, Фэн Мин, боясь, что кто-нибудь следит за ними, не посмел рта раскрыть и поговорить с женщиной, в итоге двое людей молча заняли свои места: Её Величество села в малый паланкин, а князь — на коня, и вернулись во дворец.

Как только князь спешился, к нему тотчас подошли Суй Инь и несколько служанок и, поприветствовав, доложили:

— Господин советник прибыл и как раз в гостиной дожидается князя Мина.

Фэн Мин спешно вошёл. Увидев вдалеке стройный силуэт Лу Даня, князь, неизвестно почему, в душе неожиданно испытал небольшое облегчение и, улыбнувшись, сказал:

— Сильный снегопад, а господин советник в это время взял и прибыл сюда. Не боитесь холода?

Лу Дань обернулся, приподнимая уголки губ:

— Только что, когда Вы вошли, я услышал звук Ваших торопливых шагов, показалось, что Вы раздражены. Однако я услышал голос князя Мина, и оказалось, что настроение князя Мина очень хорошее. — Лу Дань был облачён в ярко-красный халат, который подчёркивал белизну кожи и придавал достойный вид.

— Не стоит об этом говорить, мало того, что мы ничего не обсудили в зале заседаний, так ещё подозревают моего учителя в обмане. Вот уж действительно безобразие. — Фэн Мин сел и, рассказав о случившемся, внезапно вспомнил: — Мой учитель вместе со мной вернулся во дворец, однако почему не видно даже его тени?

Суй Инь вышла из-за занавески и ответила:

— Учитель сказал, что устал и вернулся к себе в комнату, чтобы отдохнуть, и попросил князя Мина позаботиться о господине советнике.

Лу Дань проговорил:

— Не стоит беспокоить учителя Суня, по правде говоря, Лу Дань на этот раз явился, лишь чтобы встретиться с князем Мином... кхэ-кхэ-кхэ... — неожиданно мужчина поднял руку, закрывая рот, а от достаточно длительного кашля, похоже, господин советник начал задыхаться.

Нахмутив брови, князь бросился вперёд со словами:

— Что с господином советником? Суй Инь, скорей подай горячий чай.

Лу Дань замахал рукой, останавливая, и вновь немного покашлял, после чего медленно остановился и насмешливо проговорил:

— День очень морозный. — Лицо мужчины залилось румянцем, придавая ему немного простого очарования.

Крепко схватив руку Лу Даня, князь почувствовал исходящий от неё холод. Издалека ещё было незаметно, однако стоило приблизиться, то можно было увидеть, что господин советник, кажется, очень сильно исхудал. Князь, невольно обеспокоившись, хмуро произнёс:

— Два дня назад Вы выглядели неплохо, так почему...

— Князь Мин некогда научил Лу Даня одной фразе: «болезнь обрушивается, как шквал, а выздоровление тянется, как шёлковая нить» [1], — увидев князя таким, Лу Дань, наоборот, рассмеялся и прошептал: — Несколько дней назад я уже говорил князю Мину, неужели князь Мин тогда посчитал Лу Даня лжецом? Сейчас от Цзюнь лин-сы, вероятно, уже этого не скроешь. Лу Дань не слишком хороший человек, и его смерть яйца выеденного не стоит.

Хоть его слова были истиной, и князь Мин действительно слишком сильно пострадал от рук господина советника, однако сейчас слушая то, что говорил Лу Дань, Фэн Мин, похоже, чувствовал, будто тело с двух сторон пронзили ножом, слёзы почти срывались с ресниц, а сам юноша, задыхаясь, проговорил:

— Во дворце есть множество редких лекарственных трав и к тому же лучшие лекари, господину советнику не стоит выдумывать разное.

После долгого молчания Лу Дань со вздохом прошептал:

— От подобных забот князя Мина Лу Дань действительно не знает, должен ли он радоваться за государя или всё же тревожиться за князя Мина?

Похлопав юношу по руке, мужчина вновь негромко проговорил:

— Не волнуйтесь, пока я нахожусь во дворце, Цзюнь Цин не посмеет и пальцем Вас тронуть. Учитель... увы, я сегодня не смогу отправиться к учителю и расспросить обо всём.

Мужчина медленно поднялся на ноги, тело внезапно отшатнулось. Князь вскрикнул и, бросившись вперёд, поддержал господина советника и только тогда понял, насколько Лу Дань слаб.

Освободившись от заботы князя, мужчина с трудом вернул себе равновесие и сказал со смехом:

— Позволил себе на глазах у князя Мина попасть впросак.

На что Фэн Мин совершенно без раздражения попросил:

— Если у господина советника будет дело, лучше пошлите людей, чтобы позвать меня.

Кивнув, мужчина посмотрел на Фэн Мина, словно желая что-то ещё сказать, но не проронил ни слова.

— Господин советник хочет что-то мне сказать?

Лу Дань долгое время смотрел, не отводя взгляда от князя, после чего обнажил белоснежные зубы-жемчужины, со смехом говоря:

— Князю Мину известно, что в стенах этого дворца везде шпионы?

Фэн Мин с недоумением посмотрел на мужчину.

— У Лу Даня есть одна просьба...

— Я слушаю господина советника.

— Государь великодушен, любит народ, уважает учителя и ценит его идеи, благоговейно верует в духов, крайне умён...

Фэн Мин поначалу не мог понять, о чём говорит Лу Дань, но со словами «крайне умён» в голове сверкнула искра, и юноша, протянув «а-а», тотчас же всё понял.

Утром мать-императрица хотела взять второго ученика, и, по-видимому, её слова об этом уже долетели до слуха господина советника.

Лу Дань прошептал на ухо князю:

— Прошу князя Мина перед учителем Сунем замолвить за государя несколько восхваляющих слов. — И, обнажив блёклую улыбку, мужчина сел в малый паланкин и в потоке северного ветра покинул князя.

Проводив Лу Даня, юноша вернулся в кабинет, где увидел на столе написанный до половины план обучения войск. Цзюнь Цин с Лу Данем, эти играющие в политику лисы, находились в борьбе за власть, где все эти так называемые научные теории совершенно не имели никакого значения, и если Цзюнь Цин намеревался чинить препятствия, то даже самую лучшую теорию

обучения войск он мог легко отвергнуть.

Угрюмый Фэн Мин тотчас же разорвал написанный план обучения войск, бездумно сел, унимая те сумятицу и путаницу, что царили в голове из-за этих негодяев.

Лу Дань, похоже, был очень болен, сильный недуг [2] крайне резко напирал, и, глядя на такого господина советника, князь совершенно не знал, сколько ещё дней мог продержаться Лу Дань. Лишь сейчас юноша вспомнил, что фактически Лу Дань, вернувшись из Юньинь, тотчас же начал медленно слабеть, только Фэн Мин был крайне не сообразителен, чтобы сразу всё понять.

Что же касается военных дел Цзюнь Тин, «послании Небес», азбуки Морзе да ещё в придачу предсказания большой беды, что были сложнее «истории двенадцати стран», то Фэн Мин совершенно не хотел о них думать.

Однако что же, в конце концов, означало сообщение Жун Тяня «не проливая крови, победить с помощью гороха»?

Возмутительно, здесь повсюду шпионы и нельзя пообщаться со вдовствующей императрицей, к тому же, глядя на мнение Её Величества, похоже, сама женщина не хотела посвящать князя в план Жун Тяня.

Юноша долгое время с печальным выражением лица думал, но до причины додуматься так и не смог.

Когда он широко зевнул, из живота внезапно вырвалось урчание, заставляя князя вспомнить, что он ещё не обедал.

Выйдя из кабинета и дойдя до гостиной, Фэн Мин столкнулся с Суй Инь, которая как раз искала его. Увидев князя, служанка проговорила:

— Учитель Сунь приказал подать обед в комнату. А князь Мин? Будете в гостиной обедать или вернётесь к себе в комнату?

— Как раз в гостиной, поскольку так холодно, то лучше всего подать хого [3].

В этот момент внезапно раздался чей-то голос:

— Есть только что пойманный заяц. Подай хого, пожалуйста, и на мою долю.

Обернувшись, Фэн Мин увидел, как в гостиную строевым шагом входит Цан Янь, действительно держа в руках только что пойманного зайца, а сзади, следуя за ним, — Цзюнь Тин, вот только

Линь Иня князь не увидел. Фэн Мин с изумлением проговорил:

— Почему генерал Цан Янь внезапно пожаловал?

— После окончания заседания появилось немного свободного времени, поэтому пришёл встретиться с князем Мином и учителем Сунь-цзы и без чинов просто пообедать. — И мужчина передал добычу Суй Инь.

Цзюнь Тин прямолинейно добавила:

— Отец приказал нам прийти и проследить за вами, а если выяснится, что кто-то из вас распространяет клевету, которая может подорвать боевой дух армии, того сразу же ждёт суровое наказание.

— Тринадцатый помощник полководца, разве необходимо именно так? Хе-хе, небо слишком холодное, не лучше ли нам сесть и, приготовив еду в хого, перекусить? — И на лице генерала, который серьёзно относился даже к речам и смеху, появилась улыбка, придавая мужчине очень доброжелательный вид.

Об этом бывалом генерале у Фэн Мина сложилось очень хорошее впечатление, и, тепло улыбнувшись ему и больше не обращая внимания на манеры Цзюнь Тин, князь приказал подать пиалы и палочки для еды.

Прислуги шустро подали на стол маленькую печку с горячим котелком, а рядом — разные мясные блюда. Суй Инь, отдав зайца повару, подала, держа обеими руками, только что нагретый чайник с отличным вином, которое тотчас налила как Фэн Мину, так и его сотрапезникам.

Слегка пригубив напиток, князь воскликнул:

— Дунфаньское вино поистине вкусное! — Подняв взгляд и посмотрев на Цзюнь Тин, юноша ласково спросил: — Тринадцатый помощник полководца не сядет выпить один стаканчик? Погода стоит холодная, и вино может остыть.

На что Цзюнь Тин холодно уставилась на князя.

Цан Янь также проговорил:

— Да, даже если отдан приказ, ни в коем случае нельзя голодать.

Только тогда Цзюнь Тин упрямо уселась напротив князя.

Действительно удивительно, утром, когда девушка убеждала его, князя, что неплохо бы позаботиться о собственной позиции, она была крайне дружелюбной, так почему после заседания её дружелюбие так резко упало? Фэн Мин машинально нахмурился.

В отличие от холодной Цзюнь Тин, которая смотрела на юношу как на врага, генерал был доброжелательным, и, выпив три чашечки вина, внезапно спросил:

— По слухам, князь Мин с детства воспитывался как наследник престола Силэй?

— А? Верно. — Сердце пропустило удар, а сам юноша тепло сказал в ответ: — Тогда в Силэй не было стабильности, и из-за страха, что кто-нибудь убьёт наследного принца, старый князь Жун использовал своего сына, чтобы тот вместо наследного принца остался во дворце, а настоящего наследного принца, который впоследствии стал императором Силэй, оставил у себя и защищал.

— Хе-хе, старый князь Жун использовал своего сына... — открыто рассмеялся генерал Цян Янь. — Послушав такие слова князя Мина, создаётся ощущение, что князь Мин говорит о ком-то чужом, и хочется спросить: разве старый князь Жун не являлся Вашим отцом?

Услышав в словах генерала намёк, Фэн Мин внезапно испугался.

О, Небо, разве может оказаться, что все в Дунфань знают, что его душа переселилась в тело Ань Хэ? Неужели Лу Дань перед смертью начал строить козни против него? Как не стыдно, а ведь князь только начал сочувствовать господину советнику.

— Генерал Цян лишь отчасти прав. Я с детства жил во дворце, отец всем сердцем и всеми помыслами защищал настоящего наследного принца, а мне, как родному сыну, совсем немного доставалось его заботы, а потому отец и сын неизбежно отдалились друг от друга. — Князь с трудом выдавил улыбку, медленно выпив вина.

Запрокинув голову, генерал Цян выпил вина, и, любясь находящейся в руках чашечкой, то и дело поднимал на юношу взгляд. Дурные мысли заполнили разум, к тому же Фэн Мин чувствовал, как пронзают тело взглядом, заставляя мягкие волоски на коже встать дыбом, а сам князь невольно подумал: «В следующую реинкарнацию обязательно следует внести небольшие формальности: чтобы, вернувшись к жизни, не совершать подобных ошибок, не стоит бессовестно врать, эх».

— Есть кое-что, не знаю, должен говорить или нет... — После долгого раздумья мужчина выглядел так, будто ему есть что сказать, но так и не проронил ни слова.

— Я выслушаю всё, что скажет старый генерал.

— Ах, насчёт этого дела, если бы Жун Тянь всё ещё был жив, а князь Мин до сих пор оставался

высокопоставленным чиновником Силэй, я бы и словом не обмолвился. Однако при нынешнем положении, выходит, что препятствий больше нет и можно затронуть это дело.

Теперь даже Цзюнь Тин приняла серьезный вид.

Перед тем, как вымолвить, генерал Цян Янь вздохнул:

— Князю Мину следует знать: Ваша внешность и характер такие же, как у моего старого друга. При первой встрече я почти принял Вас за его родного сына, потому с первой встречи я был настроен благожелательно к князю Мину.

Князь выпучил глаза.

Цзюнь Тин вмешалась в разговор:

— Генерал, наверное, ошибся, князь Мин вырос во дворце Силэй и является родным сыном старого князя Жуна. Как он может быть чьим-то другим сыном?

— Именно в этом вся суть проблемы, прошу тринадцатого помощника полководца встать на место старого князя Жуна и поразмыслить: в ситуации, где нужно подменить детей, стал бы старый князь своего единственного и родного сына ставить в опасное положение, где его в любой момент могли тайно уничтожить?

Руки князя ослабли, выпуская пустую чашечку, которая тотчас же разбилась об пол.

Примечания:

[1] Ср. болезнь входит пудами, а выходит золотниками, обр.: выздоровление наступает медленно.

[2] В оригинале фраза звучит как «демон болезни, бес недуга», обр. в знач.: тяжкий недуг.

[3] Хого, он же китайский самовар, хотпот, а также можно перевести с китайского как «горячий котелок». Китайский способ приготовления горячих блюд из овощей, мяса и др.

<http://bllate.org/book/13377/1190154>